

ЕВГЕНИЙ НОВИКОВ

Пусть
посмотрим
в глаза

Примань

16+

Евгений Константинович Новиков

Пусть посмотрит в глаза Припятъ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43464981
SelfPub; 2020*

Аннотация

Перед вами – повесть «Пусть посмотрит в глаза Припятъ». Это приквел раннего произведения автора «Горькие травы Чернобыля». В повести описана реальная история мальчишек, переживших ядерную катастрофу далёкой весной 1986 года. Имена главных героев незначительно изменены, но автор уверен, что учащиеся средней школы № 2 города Припяти легко себя узнают. Огромное спасибо жителю Припяти, ныне киевлянину Александру Рубинскому за помощь в работе над книгой. Именно он послужил прототипом главного героя повести Сашки Зарубина. Обложка книги сделана Т. П. Чернокозинским по заказу автора.

Предисловие

25 апреля 1986 года в 14 часов 00 минут московского времени главный инженер Чернобыльской АЭС Николай Максимович Фомин дал «добро» начальнику смены Николаю Трегубу на отключение системы аварийного охлаждения реактора. Систему надёжно заблокировали, а задвижку линии подачи воды обесточили и закрыли на замок. Вот так. Чтобы никто, к чертям собачьим, не открыл задвижку вручную, чтобы в критические мгновения 350 кубометров холодной воды не смогли спасти взбесившийся раскалённый реактор. Первый шаг в безумие ядерной бездны был сделан. Много ещё будет сделано таких шагов в ближайшие одиннадцать с половиной часов...

Нельзя сказать, что Николай Максимович совсем уж не ведал, что творил. Он был толковый инженер, грамотный и напористый руководитель. Вот только понимал ли он разницу между АЭС и ГРЭС – государственной районной электростанцией, на которой раньше работал в Запорожье? Фомин очень боялся теплового удара воды по реактору. А ядерного взрыва не боялся совсем. Как и почему на такой должности оказался человек, ничего не смыслящий в физике атомного реактора?..

Надо сказать, что в советской атомной энергетике такое положение дел было нормой. В эпоху застоя атомные электростанции были переданы из подчинения Министерства среднего машиностроения в Министерство энергетики. А

там не видели большой разницы между ураном и каменным углём. Впрочем, Советский Союз атомные станции строил быстро, кадров, действительно, не хватало, за пульта управления садились молодые неопытные СИУРЫ, а руководящие должности занимали бойкие назначенцы Минэнерго, вполне сведущие в электроэнергетике, но не вполне способные отличить радиоактивный металл уран от одноимённой планеты. Так что не будем сваливать всю полноту ответственности на Николая Максимовича Фомина...

Кстати, 25 апреля 1986 года Фомина на станции вполне могло бы и не быть. В декабре 85-го он попал в тяжёлую автомобильную аварию и сломал позвоночник. Ему предстояли долгие годы реабилитации. Но здоровый и крепкий мужик сам разработал сложнейший курс физических упражнений, сам себя поставил на ноги и 25 марта, к удивлению сослуживцев, вышел на работу. Ровно за месяц до катастрофы. Мистика.

Именно он согласился на сброшенный «сверху» эксперимент по выбегу ротора турбины, именно он утвердил в программе испытаний отключение аварийной системы САОР. Впереди маячили майские праздники, высокие премии, долгожданные отпуска... А вот руководители других советских АЭС от проведения подобного эксперимента наотрез отказались. Почему-то...

Человеческий фактор в Чернобыльской катастрофе, безусловно, приоритетен. Но и «чудо» инженерной мысли ин-

ституты Доллежала и Курчатова – уран-графитовый реактор РБМК – был детищем своего времени. К 80-м годам он безнадежно устарел и не вполне отвечал требованиям ядерной безопасности. Во всяком случае, недостатки конструкции стержней-замедлителей, об особенностях которых атомные операторы были плохо осведомлены, могли сыграть свою, возможно, роковую роль в заключительном акте самой страшной техногенной катастрофы за всю историю планеты Земля. Долгие годы часы чернобыльской беды исправно отсчитывали время, чтобы навсегда остановиться 26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты 40 секунд ночи. Ядерной ночи...

...Эксперимент не заладился почти сразу. Нет, поначалу, всё, вроде бы, шло по плану. После блокировки аварийных защит старший инженер управления реактором смены Николая Трегуба (СИУР) приступил к снижению мощности. Как и предписывал регламент, мощность энергоблока снизили наполовину – до 1500 тепловых мегаватт. В семиметровой активной зоне реактора, среди 1700 топливных сборок, покоились более 30 стержней-поглотителей из двухсот одиннадцати, это нормально, это по регламенту. Рука СИУРа уже была готова нажать кнопку максимальной проектной аварии, как вдруг эксперимент был прерван звонком диспетчера «Киевэнерго». В республике-де нехватка электроэнергии, эксперимент надо приостановить. Требования диспетчера для всех электростанций – закон. И вывод блока из работы задержали. На целые девять часов. Смена издёрга-

лась, изнервничалась долгим ожиданием. А четвертый блок так и продолжал работать на половинной мощности, при отключенной системе аварийного охлаждения реактора. Грубейшее нарушение регламента!

Только в 23 часа 10 минут мощность вновь стали снижать до требуемых планом эксперимента 700 МВт. А ровно в полночь 26 апреля Трегуб передал управление новой смене Александра Федоровича Акимова. За пульт БЦУ уселся 26-летний СИУР Леонид Топтунов. Эти двое не были готовы к эксперименту и наспех изучали его программу.

Топтунов, несмотря на возраст, толковый и грамотный СИУР, недавно с отличием закончил институт. В этой смене – он единственный ядерщик, чётко понимающий суть происходящего. Да вот авторитет старших товарищей слишком велик. Особенно грозен Анатолий Степанович Дятлов, заместитель главного инженера станции. Высокий, пожилой, седовласый, с сиплым, тихим голосом. Уран-графитовых промышленных реакторов он почти не знает – ранее работал на Дальнем Востоке с корабельными ядерными установками. Но командует вовсю. И когда Топтунов, перейдя на ручное управление, не удержал мощность на 700 мегаваттах и провалил её до 30-ти, Дятлов стал давить молодого спеца силой возраста и авторитета, требовать подъёма мощности. Топтунов возражал решительно, Акимов – вяло. Перебранка затянулась. А реактор стремительно «травился» продуктами распада ядерной реакции – изотопами ксенона и йода. Ещё ни-

что не фатально, ещё не расплавилась активная зона, ещё не скопился в теле раненого ядерного зверя коварный взрывоопасный водород. Реактор самое время гасить, вводить дополнительные стержни-поглотители и сутки не будить атомное чудище – сам «разотравится», и минует мир великая беда. Будет жить да цвести город Припятъ, на станции вот-вот достроят 5-й и 6-й энергоблоки... Часы чернобыльской беды ещё не поздно остановить. Но нет, послушался старого Дятлова молодой Топтунов, забегали пальцы СИУРа по пульта, поползли стержни вверх...

К часу ночи 26 апреля тепловая мощность реактора достигла 200 мегаватт.

И дальше не росла. Реактор «отравлен». Это точка невозвращения. Регламент запрещал оставлять в активной зоне менее 30 стержней, но подгоняемый заместителем главного инженера Леонид Топтунов оставил гораздо меньше. Сколько конкретно? Проблема в том, что этого он не знал. За полторы минуты до аварии ЭВМ «Скала» выдала распечатку, согласно которой запас реактивности составлял 18 стержней. Но ЭВМ считает медленно, с задержкой в несколько минут. Потом в отчёте СССР перед МАГАТЭ появится другая цифра – 6-8 стержней. Откуда она взялась? Никто не знает. Есть и другая странность: до катастрофы в регламентах АЭС фигурировала другая цифра – запас реактивности 16 стержней. А разработчик реактора изначально настаивал на 30-ти. Не иначе кто-то в Минэнерго регламент подчистил, не поставив

в известность конструктора. Видимо, и на других советских АЭС реакторы типа РБМК вгоняли в критические режимы «ничтоже сумняшеся» СИУРы, и авария могла произойти где угодно...

Но вернёмся в ту далёкую ядерную ночь. В 1 час 22 минуты 30 секунд, читая распечатку «Скалы», Топтунов понимает, что стержней-поглотителей в реакторе 18. Эту цифру следствию сообщил сам умирающий в 6-й клинике Москвы СИУР. Её же подтвердил умирающий Александр Акимов. То есть, с их точки зрения, ничего критического не происходило. И эксперимент по выбегу ротора турбины начался. А еще через 34 секунды в технологических каналах перегретого реактора вскипела вода. Мощность медленно поползла вверх. Топтунов это заметил и сообщил Акимову. Оба поняли, что начался разгон реактора. Оба поняли, что реактор нужно глушить. И в 1 час 23 минуты 40 секунд Акимов нажал красную кнопку аварийной защиты «АЗ-5».

Максимальная защита 5-го уровня. Кошмарный сон любого СИУРа. Все 211 стержней должны были пойти вниз, движимые сервоприводами. Да вот не пошли. Топливо уже плавилось и плавило циркониевую оболочку ТВЭЛов, перегретый водяной пар взаимодействовал с цирконием, образуя свободный водород. На сельсинах – указателях положения стержней-поглотителей ярко вспыхнула подсветка. Стрелки медленно поползли вправо и застыли на отметке 2,5 метра. А должны были дойти до 7-ми. С обывательской точки зре-

ния погружение стержней в активную зону на 2,5 метра лучше, чем ничего, не правда ли? А вот тут конструкторы реактора «постарались» на славу. Рабочая длина стержня 5 метров. Эта его часть сделана из карбида бора, который и является гасителем цепной реакции. Выше и ниже этой части находятся полые метровые участки. А на самом конце присутствует наконечник, заполненный графитом. Его задача – не гасить цепную реакцию, а вытеснить воду из технологических каналов. Он её и вытеснил. А вода – хороший замедлитель нейтронов, лучший, чем сам графит. Иначе говоря, при неполном погружении стержней цепная реакция не гаснет, а наоборот, начинается разгон на мгновенных нейтронах. Мощность реактора лавинообразно поднимается на несколько порядков. Это подобно очень медленному ядерному взрыву. Без первичных факторов поражения. Далее следует разрушение технологических каналов, выброс радиоактивного пара в окружающую среду, взрыв «гремучки», который поднимает в воздух «Елену» – крышку биологической защиты реактора весом 2000 тонн и выбрасывает в воздух десятки тонн радиоактивного урана, графита и легколетучих изотопов с уровнем излучения 15-20 тысяч рентген в час...

На все эти процессы ушло всего 20 секунд. Ровно в 1 час 24 минуты умирающий ядерный зверь перестал существовать. От него остался лишь огромный бетонный каркас, заполненный остатками конструкций реактора, да несколько тонн топлива и горящего графита на дне. Совсем немного,

не более 10 процентов от первоначальной загрузки. Остальные 90 процентов взрывом выбросит из реактора. Из 30-километровой зоны отчуждения навсегда эвакуируют 140 тысяч человек.

Всего этого два непосредственных виновника аварии – Топтунов и Акимов не узнают. В страшных муках, получив дозу свыше 600 рентген, превратившись в высохшие обугленные головешки, они уйдут в мир иной в мае 1986 года. Третий виновник аварии – Анатолий Степанович Дятлов, получивший 400 рентген, переживёт их на 9 лет, будучи освобождённым из тюрьмы по ходатайству академика Сахарова. Скончается от последствий острой лучевой болезни.

Директор Чернобыльской АЭС, получивший дозу 150 рентген, Виктор Петрович Брюханов, приговоренный к 10 годам лишения свободы, будет освобождён из-под стражи в Киеве в 1992 году после распада Советского Союза. Он жив и поныне.

Главный инженер Чернобыльской АЭС Николай Максимович Фомин будет приговорен к 10 годам лишения свободы. Попытается совершить самоубийство и сойдёт с ума. Освободится досрочно. Будет долго лечиться, а впоследствии – работать на Калининской АЭС, в 2006 году уйдёт на пенсию.

Разработчик реактора РБМК академик Николай Антонович Доллежалъ тихо скончается в Москве в 2000 году, прожив на белом свете 101 год. Его никто и ни в чём офици-

ально не обвинит. Просто снимут с должности и отправят на пенсию.

Спустя много лет, авторы нашумевшего британского сериала «Чернобыль» устами академика Легасова сделают Доллежала едва ли не главным виновником катастрофы. Во всяком случае, у зрителей сложится стойкое впечатление, что Николай Антонович сделал «неправильную» конструкцию стержней-поглотителей, да еще и придумал злосчастную кнопку «АЗ-5», нажатие которой непременно приведет к взрыву реактора.

Это не совсем так. Недостатки у реактора есть, и не только в конструкции стержней. Плохо, что он безоболочный. Плохо, что топливные сборки в активной зоне погружаются в соты из графита, который, при разрушении реактора, начинает гореть. Плохо и то, что, как сказано выше, концевые графитные наконечники стержней, погружаясь в активную зону, вызывают избыточную реактивность, равную 0,5 бета, что приводит к разгону реактора на мгновенных нейтронах.

Но! Прежде, чем нажать эту пресловутую кнопку, участники эксперимента сделали ряд грубых нарушений регламента и самой программы. Коротко перечислим их: отключение системы аварийного охлаждения; провал в «йодную яму» в результате перехода на ручной режим управления стержнями; попытка подняться из «ямы» путём оставления в активной зоне критически малого количества стержней; задействование в работу всех 8 главных циркуляционных на-

сосов, что привело к чрезмерному расходу воды через реактор, а после начала выбега ротора турбины – к быстрому падению напряжения на насосах, недостатку воды в реакторе, её закипанию, избыточному образованию пара и быстрому росту температуры активной зоны. Последние два обстоятельства сами по себе дают мощный прирост реактивности в 4 бета. Реактор уже разгоняется. Без всякого конечного эффекта стержней. Насосы дрожат. Оглушительные хлопки пара слышны из машинного отделения. Чрезмерное давление деформирует технологические каналы. Начинается паро-циркониевая реакция с образованием гремучего газа... И в этот момент нажимается кнопка «АЗ-5»...

Честно говоря, не будь она нажата, катастрофа произошла бы несколькими мгновениями позже...

Нажатие красной кнопки аварийной защиты только ускорило этот процесс, сделало его лавинообразным...

Можно сколько угодно спорить, как бы развивались события, если бы стержни-поглотители не вносили дополнительной реактивности. Каналы всё равно уже были повреждены, и остановить реактор было невозможно. Неизбежен был разгон, расплавление активной зоны, образование водородного пузыря с последующим его взрывом, выброс радиоактивности в окружающую среду. Ну, и какая разница: нажата кнопка – или нет?

Думаю, не следует на разработчика реактора сваливать львиную долю вины. Это всё равно, что забыть включённый

утию, а потом обвинить в пожаре изготовителя, на том основании, что термостат плохо сработал.

А ведь реактор – не утию. Предполагается, что за блочным щитом управления реактором сидит не безграмотный потребитель, а опытный, обученный человек. И всё-таки это человек, которому, как известно, свойственно ошибаться.

До 1986 года на Западе было 12 достаточно крупных аварий на атомных станциях. Разумеется, не чернобыльского масштаба. У нас до Чернобыля таких аварий было порядка 20. Особенно отличалась Белоярская АЭС, где неоднократно допускали расплавление активной зоны реактора. И почти во всех случаях причинами были спешка, непонимание физики работы реактора, грубые ошибки персонала. То есть человеческий фактор.

Что же – нам понабилась планетарная катастрофа, чтобы на АЭС сделали такие виды защит, при которых ошибки оператора приводят к остановке реактора, а не к саморазгону? Я не знаю.

Зато знаю другое: если в самый хороший и надёжный реактор прекратится подача воды – беды не миновать, даже в том случае, если цепную реакцию полностью заглушит автоматическая аварийная защита. Потому что осколки деления ядер урана будут греться сами и плавить активную зону. Что и произошло в Фукусиме. На самом совершенном реакторе в мире.

Без атомных электростанций цивилизация уже не обой-

дётся. Нет в мире иного топлива, кроме ядерного, чтобы удовлетворить растущие потребности планеты. И атомных станций становится всё больше и больше...

Куда же ты идешь, человечество?..

Глава первая

Как не хочется вставать ранним субботним утром чудной полесской весны.

Ещё бы покемарить часок-другой, забыться сладким сном грубоватых юношеских грёз, столь свойственных подростковому возрасту. А потом протопать босиком на кухню, распахнуть обе створки окна, выдохнуть остатки снов и вчерашних школьных неприятностей, да позволить тёплому апрельскому воздуху до отказа наполнить грудь свежестью нового дня. Хорошо бы... Но будильник электронных наручных часов «Montana» противно и настырно пищал, словно бы давая понять, что проспять такое чудесное утро, а заодно и прогулять школу, нет никакой возможности.

Сашка лениво открыл глаза и раздражённо потянулся к продолжающим пищать и звенеть часам, намереваясь со всей молодецкой силы трахнуть по ним кулаком. Но, конечно же, одумался и деликатно нажал на одну из четырёх кнопок. Писк прекратился. Батарейку надо беречь и часы тоже. Сей электронный гаджет был предметом гордости каждого уважающего себя советского школьника старше 13 лет. Невдомёк было пацанам, что эти часики – всего лишь китайская штамповка, стоившая в заграничных морских портах 1

доллар. А наши спекулянты продавали их за 80 целковых, выдавая за крутые американские хронометры. Поэтому обладатели таких часов, лопааясь от гордости, распевали вольную переделку на русский известной песни группы «Арабески» – «Купи мне, мама, ого-ого, часы «Монтана», ого-ого!». Те же, у кого заграничных часов не было, ехидно заменяли в тексте песни слово «часы» на «труссы», а потом спасались бегством от рассерженных обладателей лже-американской электроники. Кому убежать не удавалось, оказывались в раздевалке спортзала в собственных трусах, надетых на голову.

Сашка неохотно спустил ноги с кровати, удовлетворённо погладил указательным пальцем шёлковый пушок на верхней губе, секунду раздумывал, надевать ли трусики, а потом, как был в трусах, потопал на кухню.

При его появлении красноярский холодильник «Бирюса» мягко щёлкнул релейкой и довольно заурчал, словно бы приветствуя юного хозяина квартиры. Сегодня мальчишка и правда был хозяином дома – мама работала в ночную смену в медсанчасти на улице Огнева, – а потому никто не помещал Саньку крупными глотками отхлёбывать ледяное молоко из добытого в недрах холодильника треугольного картонного пакета. День начинался, определённо, хорошо.

Абонентская радиоточка на стене щёлкнула, фыркнула и трижды исполнила первые аккорды народной песни на стихи Тараса Шевченко «Реве та стогне Дніпр широкий», а потом

приятным, хорошо поставленным женским голосом торжественно сообщила: «Говорить Київ. В ефірі перша програма українського радіо. О шостої години слухайте програми Всесоюзного радіо».

Сашка опустошил молочный пакет и впился зубами в уже начинающую черстветь, но всё ещё ароматную ватрушку. Резко распахнул окно – стёкла возмущенно звякнули, – перегнулся через подоконник и посмотрел вниз. Редкие молодые топольки едва доставали до второго этажа. Девятиэтажка по улице Лазарева, в которой жили Санёк с мамкой, была, своего рода, местной достопримечательностью. И всё из-за дурацкого лозунга на крыше, выполненного железными аршинными буквами: «Хай буде атом робітником, а не солдатом». Первое слово лозунга вызывало извечные насмешки сашкиных друзей-оболтусов, а многочисленные командировочные считали своим долгом обязательно сфотографироваться на фоне диковинного дома.

Сашка дожевал ватрушку и посмотрел на противоположную сторону улицы.

Его взгляд рассеяно скользнул по длинному трехэтажному зданию узла связи и упёрся в новенькие корпуса ПТУ. Если в будущем учебном году его «успехи» в школе будут столь же «впечатляющими», как в нынешнем, придётся идти учиться на какого-нибудь автослесаря.

Вдруг что-то насторожило мальчишку. Он потянул носом воздух. Едва ощутимо пахло гарью. Такой запах бывал зи-

мой в окрестных сёлах, когда в хатах углём топили печи. Но кому придёт в голову жечь уголь в современном атомограде? Сашка недоумённо вертел головой. Прищурившись, посмотрел на Центральную площадь. За торговым центром, возле Дворца культуры, стояли две машины ГАИ и суетилось десятка два человек, все в милицейской форме. Что ли магазин обокрали? Или ресторан?

Чёрная «Волга» резко взвизгнула тормозами и остановилась напротив входа в узел связи. Четверо мужчин в серых костюмах впопыхах выскочили из «Волги» и поспешно направились внутрь здания. Одного из них, начальника горотдела УКГБ Виктора Клочкова, Сашок узнал. Клочков жил в соседней высотке с гербом УССР, был грозой дворовых хулиганов школьного возраста, да и взрослые обитатели соседних домов его почему-то побаивались. Почему? Он же не начальник милиции?

Сашка смотрел в окно ещё с час. В здании узла связи царил непонятная суматоха. На Центральную площадь выехали две поливальные машины и одна пожарная. Что же там у них происходит, черт побери?!

Запах гари вроде бы исчез. Почему-то поднялось настроение. В голове зашумело, как после выпитой бутылки пива, коего Санёк на прошлой неделе отведал в неприметном углу двора, вместе с лоботрясами из ПТУ, а потом получил от мамки ремня, вытащенного из его же выдавших виды потёртых джинсов. Сашка нехотя слез с подоконника и пошел

одеваться.

Коричневые школьные брюки были загодя заботливо выглажены мамой, как и синяя рубашка из чистого хлопка, как и шёлковый алый пионерский галстук. Недолго осталось Саньку носить этот непрременный атрибут советского детства – в будущем учебном году он станет взрослым комсомольцем.

Сашка привычным движением, доведённым до автоматизма последними пятью годами, завязал галстук под воротничком рубашки. Посмотрелся в зеркало. Щедро наодеколонил медные вихры дорогушим одеколоном «Консул», французский аромат которого явно нравился соседке по парте. Попробовал было причесать пышные, торчащие во все стороны патлы, но расчёска сразу же застряла в волосах, недвусмысленно намекая на необходимость посетить парикмахерскую в Доме быта «Юбилейный» – сделать модельную стрижку за 60 копеек. Не то, что бы Санёк был большим аккуратистом по части внешнего вида, но заинтересованные взгляды девчонок в школе заставляли держать марку. Саша в школе и Сашок с ребятами во дворе – люди разные.

Через десять минут парнишка с треском захлопнул дверь квартиры и с грохотом товарного поезда, перепрыгивая через две ступеньки, устремился вниз. Лестница гулко дрожала. Сашка радостно двинул рукой по железным почтовым ящикам и выпрыгнул на крыльцо. Шум он поднял невообразимый. Злюка-соседка баба Клава непременно нажалует-

ся матери. Ну и пусть. Хорошее настроение субботнего утра того стоит. До двух часов дня нужно как-то перекантоваться в школе, а потом... Потом можно на реку. Правда, холодна ещё водичка. А можно в бассейн «Лазурный». А можно в кинотеатр «Прометей» на премьеру фильма «Конец операции «Резидент» с Георгием Жжёновым. Да мало ли куда можно забуриться без году неделя 14-летнему пацану до самого понедельника! А потом ещё месяц, два экзамена по алгебре и русскому за 7 класс, и летняя зелёная пропасть, глубиной в 92 дня, непременно обеспечит шоколадный загар, новые кроссовки, магнитофон «Маяк» с колонками, обещанный мамой на день рождения, и целый миллион приключений!..

Взгляд Сашки остановился на здании детского сада «Золотой ключик», облицованного красивой розовой плиткой. Вот беззаботная жизнь у малышни! Никаких тебе уроков, никаких домашних заданий! Хоть весь день ничего не делай, знай себе играй, спи, да питайся манной кашей на завтрак, борщом на обед и запеканкой на полдник. Сашка передёрнулся – о запеканке вспоминать не хотелось: она была невкусной, не лезла в горло, и иначе как «запиханкой» дети её не называли. Хотя, пожалуй, лучше поднатужиться и слопать одну «запиханку», чем маяться на шести школьных уроках, каждый раз испуганно замирая при словах учителя: «К доске пойдёт...» Пауза после слова «пойдёт» всему классу казалось вечностью. Вот бы иметь машину времени. За-

глянешь на денёк в будущее и узнаешь – какой урок учить, а какой нет...

По улице Курчатова медленно ползла оранжевая поливальная машина. Целые фонтаны воды щедро лились на асфальт, заливая белой пеной и дорогу, и кустарник, и тротуар. Пена неприятно тошнотворно пахла. Не желая принимать незапланированный вонючий «душ», Сашка быстро перебежал улицу, рысью промчался по заросшей сиренью дорожке между двумя пятиэтажками, обогнул школьный пищеблок и выскочил к парадному входу школы №2.

Высокий светловолосый старшеклассник нахально дымил сигаретой, сидя на кафельном бордюрике синего фонтанчика. Глаза Санька округлились. Ничего себе! Такое хамство непозволительно даже выпускникам! Сашка мысленно пожелал, чтобы фонтан неожиданно включился. Да под напором! Да по сильнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.